

И.С. ЗАЯРНАЯ
(Киев)

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ РУБЕЖА XVIII – XIX ст.
В ПОЭЗИИ В.КАПНИСТА**

Василий Капнист – известный поэт и драматург, истинный представитель эпохи Просвещения стоит у истоков формирования русской лирической поэзии. Большую часть своей жизни автор знаменитой комедии «Ябеда» провел в Украине, в родовом имении Обуховка Полтавской губернии. Здесь он немало потрудился на общественном поприще – занимал должности генерального судьи Полтавской губернии, директора народных училищ, губернского маршала, на протяжении многих лет выполнял почетную миссию предводителя дворянства в Миргороде, Полтаве и Киеве. Поэт гневно выступил против закрепощения крестьян в Украине, законодательно оформленного указом Екатерины II от 3 мая 1783 года, согласно которому крестьяне Киевского, Черниговского и Новгородского наместничеств объявлялись крепостными помещиков – владельцев этих земель. В знак протеста он написал знаменитую «Оду на рабство». Его гражданская позиция выразилась также в демонстративном отказе от государственной службы и пребывания в Петербурге после выхода пресловутого указа [1, с. 19; 2, с. 333]. Прекрасный лирический образ Украины, ее природы воссоздан поэтом в стихотворениях «Обуховка», «В память береста».

В.Капнист был активным участником литературно-художественной жизни конца XVIII – начала XIX ст. и одним из тех, кто непосредственно оказывал мощное влияние на формирование литературного процесса тех лет, его основополагающих тенденций и эстетических установок. Он был дружен со многими известными литераторами, среди которых – Г.Р.Державин, Н.А.Львов, И.И.Хемницер. С ними он познакомился еще в годы службы в Преображенском полку, позже с Державиным и Львовым Капниста связали родственные узы (женитьба писателей на трех сестрах Дьяковых). В сфере искусства их вкусы во многом совпадали, что вылилось в создание литературного кружка, к которому присоединились М.Н.Муравьев, Ф.П.Львов. Участники объединения видели пути

развития лирики в углублении личностного начала, изображении конкретно-чувственного мира человека, внимании к этическим проблемам. Все они в своем творчестве активно преодолевали классицистические жанровые каноны. История взаимоотношений В.Капниста с писателями-современниками Г.Р.Державиным, Н.А.Львовым, И.М.Муравьевым-Апостолом, В.А.Гоголем, К.Батюшковым, Н.М.Карамзиным, В.Жуковским и др. достаточно предметно описана в литературоведении [3], и тем не менее, далека от исчерпывающего изучения.

Достаточно обширным было пространство публикаций В.Капниста в популярных литературно-художественных изданиях тех лет. Перечислим хотя бы следующие: «Чтение для вкуса, разума и чувствований», «Собеседник любителей русского слова», «Московский журнал», «Аонида» Карамзина, «Новые ежемесячные сочинения», «Сын отечества», «Чтение в Беседе любителей русского слова», «Труды Общества любителей российской словесности» и др., в которых печатались как стихотворения поэта, так и его литературоведческие «изыскания» в области истории развития поэзии, теории стихосложения.

Неоценима роль В.Капниста как переводчика и интерпретатора Горация, его стремление приблизить творчество римского поэта к русскому читателю, создать своеобразный «аналог» горацианской лирики, избежав при этом точности буквализма [4, с. 26]. Важное значение имеют и его переводы поэмы Ж.Делиля «Сады», одной из «поэм Оссиана» Д.Макферсона – «Картон», «Слова о полку Игореве», опубликованные уже после смерти Капниста. Следует подчеркнуть, что русская литература обогатилась прекрасными образцами псалмодической лирики, выполненными поэтом.

В.Капнист был тесно связан с литературным обществом «Беседа любителей русского слова», хотя и не состоял в нем. В то же время его авторитет был достаточно высок и среди оппозиционно настроенных по отношению к «Беседе» литераторов-«арзамассцев». Писатель принял активное участие в известной дискуссии о гекзаметре, выступив противником использования этого размера для перевода «Илиады» и отстаивая «природный русский склад», призывая использовать «размеры народных наших песней метрического, свойственного языку нашему стихосложения». («Письмо первое к

С.С.Уварову о эксаметрах», «Краткое изыскание о Гипербореанах и о коренном русском стихосложении»). Писатель полагал, что музыкальность является необходимым условием развития лирической поэзии и называл музыку сестрой поэзии («Письмо второе к С.С.Уварову о эксаметрах»).

Как подчеркивает исследователь Д.С.Бабкин, В.Капнист тщательно изучал русские и украинские старинные народные песни, использовал их размеры, в частности в своем переводе поэмы Оссиана «Картон» [1, с. 61].

Следует упомянуть и о деятельности писателя на посту директора императорских театров Петербурга в 1799 – 1800 гг., за время которой он успешно обновил репертуар, привлек талантливых актеров к работе в Петербурге [4, с. 25].

Культурная жизнь тех лет, литературная полемика, вдумчивый анализ творческого процесса, как собственного, так и своих современников, многоаспектно отразились в поэзии В.Капниста. Ее же отличительные качества Д.Благой определил следующим образом: «художественное изящество, тонкий эстетический вкус и замечательная для того времени простота языка», которые делают его «наиболее выдающимся представителем «легкой» поэзии XVIII века, непосредственным предшественником Батюшкова» [5, с. 29]. Творчество писателя высоко ценили А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Н.В.Гоголь. Вместе с тем «легкая» поэзия Капниста с ярко выраженным в ней сентиментальным началом являет и своеобразное вместилище историко-литературных фактов, сведений, концепций, обладает мощным интертекстуальным полем.

Уже одно из первых стихотворных сочинений – «Сатира I», опубликованная в «Санкт-Петербургском вестнике», позже переработанная, смягченная и озаглавленная как «Сатира первая и последняя», включала литературную полемику. И хотя В.Капнист снял непосредственные выпады против писателей, фамилии которых были легко узнаваемы в тексте сатиры – В.Г.Рубана, Ф.Я.Козельского, Н.П.Николева, Д.И.Хвостова, М.И.Веревкина, Я.Кантаровского и др. [см.: 6, т. 1, с. 708], тем не менее, общая направленность полемической мысли против бездарного стихотворчества и стихотворцев сохранилась. В качестве слагателя «мелкомысленного славенско-русского бреда» в сатире предстает пиит Чуднов, фигура которого

соотносима с малоталантливым поэтом-одописцем В.П.Петровым – объектом всеобщих насмешек со стороны литераторов [7, С.425]. Критическому осмыслению Капнист подвергает здесь и собственный начальный стихотворный труд – оду, написанную на французском языке, которую он приурочил к заключению Кючук-Кайнарджийского мира: «Стихами слабыми и на чужом языке/ Екатеринины пел славные дела [...] Без воли муз я славить то желал, / о чем весь свет греметь насилу успевал» [7, с. 167]. В сатире можно четко проследить высказывания об одическом жанре, которые вполне укладываются в каноны еще не сдавшей в ту пору своих позиций классицистической эстетики. Важен смысл: «Пиитов научить без смысла не греметь/ И веру теплую к рассудку возыметь». Важна и форма, которой, к сожалению, зачастую пренебрегает «толпа несмысленных и мерзких рифмоторцев». Они досаждают своими творениями и читателям и музам, «напутав кое-как и прозы и стихов». Отстаивая талант и дарование в качестве основных двигателей литературного творчества, автор осуждает ремесленничество и литературную поденщину, призывает «не ставить на подряд за деньги гнусных од». Позже, в «Оде на пиитическую лесь», В.Капнист противопоставит два типа креативной личности: свободного певца и поэта, который по заказу слагает хвалу сильным мира сего:

Да громом раздробится лира,
Что в честь кичащегося кумира
Хвалебны гимны возгремит! [7, с. 345].

Осуждению подвергнут даже горячо любимый им Гораций Флакк за то, что зачастую выступал как «Октавов льстец». Прославляя императора Августа, римский поэт, по мысли Капниста, изменил своему призванию и «унизил дар бесценный неба».

В жанровом отношении «Сатира I», как полагает Д.Благой, оказала влияние на развитие поэзии, в частности «подказала Державину «смешанный» жанр его знаменитой оды-сатиры «Фелица» [5, с. 7].

В дальнейшем поэзия В.Капниста ярко отразит общий процесс движения лирики к утверждению сентименталистской и предромантической поэтики и полемику с литературными канонами классицизма. Это хорошо видно в стихотворениях, посвященных Ломоносову и Державину.

В «Оде, Ломоносов» содержится довольно пространная характеристика «звучной лиры» основоположника русской поэзии, широко цитируются его тексты. В.Капнист обозначает основные тематические пласты лирики Ломоносова: прославление Творца и мироздания, похвала императрице, изображение военных сражений и подвигов. Не оставляет без внимания писатель и ту область, которая для поэзии Ломоносова была менее актуальной, но стала особенно значимой в лирике современников Капниста. Это – изображение любви. Соответственно цитируются ломоносовские похвальные и духовные оды: «Ода, выбранная из Иова», «Ода ... на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года», наконец – «Ода на день брачного сочетания их императорских высочеств государя великого князя Петра Федоровича и государыни великия Екатерины Алексеевны 1745 года». Объектом внимания и описания в тексте оды Капниста – своеобразном филологическом исследовании – становятся особенности ломоносовского стиля, такие как «громкий стих», пленяющий слух, живость картин, сотворенных «оживленной» кистью. Не ускользает от аналитического взгляда поэта и характерный художественный прием, который сам Ломоносов именовал в «Риторике» «фигурой восхищения», подразумевая образно-метафорический подъем, движение вверх.

В стихотворении прочерчена преемственная связь в русской поэзии – от творчества Ломоносова – к творчеству Г.Державина. Автор полагает, что державинская «лира звонкая» также призвана воспевать «великие дела царицы» и громкие победы. Показательно, что в этом ряду В.Капнист четко определяет и свою поэтическую нишу, прибегая к аллегориям. В отличие от орлиного парения двух ярких величин российского Парнаса, собственное творчество видится ему кружением пчелки, порханием мотылька над цветами:

...я, как пчелка над землею,
С трудом с цветов сосуца мед,
Я тиху песнь жужжать лишь смею:
Высокий страшен мне полет [6, т.1, с. 175].

Подобные метафорические образы неоднократно встречаются в текстах поэта («Мотылек», «Различность дарований»). В.Капнист последовательно утверждает ценности, близкие сентименталистскому мировосприятию. Об этом, например, он пишет в стихотворении

«Различность дарований». Говоря о скромности своего таланта, поэт противопоставляет его «гласу» Ломоносова и Державина, раздающемуся «сверх облак», четко обозначает их «круг мира» – как «небокруг». Вместе с тем творческие задачи автора, открыто заявленные в стихотворении, обладают не меньшей притягательной силой, а облик лирического героя – огромным обаянием:

Счастлив, коль голос мой унылый
С чужою грустью соглашу
И тайной соучастья силой
Слезу страдальца осушу;
Коль мной печальный убедится,
Что скорби нить не вечно длится,
Что здесь надеждам нет конца,
Счастлив, гнетомого тоскою
Коль сладкой мыслью успокою,
Что есть – чувствительны сердца [7, с. 368].

Перед читателем разворачивается типичный сентименталистский текст.

Стихотворение «Ответ Рафаэла певцу Фелицы» иронически направлено против оды Державина «Изображение Фелицы». Оно послужило причиной непродолжительной размолвки и охлаждения дружеских отношений между двумя поэтами, которые, однако, не были разрушены. Объектом сатиры выступает классицистическая метафорика и гиперболизация, обильно наполняющие стихотворение Державина. Пятая строфа «Ответа Рафаэла» практически полностью соткана из цитат державинских, представляющих характерные для классицистической оды пространственные аллегорические образы (одическая «формула протяженности»):

Не так легко «над полвселенной
На сорок токмо двух столбах
Престол поставить вознесенный,
В осьми смотрящийся морях;
Так ноги распростерть орлины,
Чтоб сжал одною зев он львиный,
Другой рога луны сгибал;
И написать, как гром горящий,
В деснице кроткой, злым грозящий,
Гремел из уст, но не сражал» [7, с.189].

Заметим, что в «Изображении Фелицы» Державина портретная характеристика императрицы сведена к минимуму, присутствуют лишь отдельные живописные детали: «небесно-голубые взоры / И по ланитам нежна тень», «тиха, важна, благородна поступь», «в лице ее геройство, в очах величие души». Таким образом, в стихотворной отповеди В.Капниста скорее пародируется не державинское описание облика царицы, блестящий образец которого несколькими годами ранее Державин поместил в стихотворении «Видение мурзы», но дается абстрактный схематический портрет правительницы, присущий канонам классицизма: «Юноны сановитой тело / Миневриной главой свершил, / И, прелестьми трех граций нежных / Покрыв, о чреслах белоснежных / Кипридин пояс обложил».

Вместе с тем нельзя не отметить, что В.Капнист постоянно находится под воздействием обаяния личности Державина, а в области творчества он остается для него непревзойденным авторитетом и объектом поклонения. Между друзьями никогда не прекращался творческий диалог. Поэты обменивались рукописями стихотворений, вносили в них правки, предлагали свои варианты. Так, в совместном письме В.В.Капниста и И.И.Хемницера, отправленном Г.Р.Державину из Обуховки 5 марта 1781 г., содержится подробный разбор державинской «Оды на Новый год» с обилием стилистических правок, рекомендаций по поводу рифм, подбора эпитетов, сравнений в оде [6, т. 2, с. 256-260].

В письме Г.Державину 13 августа 1797 г. В.Капнист сообщает о множестве правок, которые он предлагает внести в текст державинского послания «Капнисту» и в свою очередь просит своего адресата «сказать мысли» о его «пиесе», к которой «прибавил третий куплет» [6, т. 2, с. 440].

Державин также вносил изменения в тексты Капниста и предлагал свои варианты отдельных поэтических строк, в частности для его переложений из Горация – стихотворений «Против златолюбия», «На разврат нравов» [7, с. 439-440]. По поводу последнего Капнист отвечал Державину: «Я исправил некоторые места по вчерашним вашим замечаниям и, переведя точно латинский подлинник, препровождаю вам; прошу, прочитав его со вниманием, сделать подробные заметки...» [7, с. 440].

Творческие и личные взаимоотношения двух писателей, детали их биографий сохранила не только их личная переписка, но и поэтическая, воплотившись в популярном по тем временам жанре посланий. Стихотворение В.Капниста «Певцу Фелицы» написано как отклик на державинское послание «Капнисту», в котором тот отвечал своего приятеля от заграничного путешествия, противопоставляя ему покой и безмятежность родного уголка В.Капниста – Обуховки. В свою очередь, младший собрат по перу адресовал Державину похвальные строки, назвав его «любимцем Феба», и ответил, что его не страшат бури, сотрясавшие в то время Европу (последствия французской революции, политика Наполеона Бонапарта). Оба поэта оказались удивительно созвучны также и в подходах к поэтическому творчеству – максимальной открытости лирического субъекта, широком использовании автобиографических подробностей.

В лирике В.Капниста достаточно интенсивно развернут державинский интертекст. Цитаты, реминисценции, образы Державина появляются по разным поводам, в совершенно различных контекстах. К примеру, в вольном переложении оды Горация – стихотворении «Против златолюбия» – писатель апеллирует к посланию Державина «К Скопихину», развивая идею о благородстве меценатства, которая занимает центральное положение в державинском переложении этой же оды Горация.

Своеобразный каскад цитат, аллюзий помещен в стихотворениях, написанных по поводу смерти поэта – «Оде на смерть Державина», четверостишии-эпитафии «На кончину Гавриила Романовича Державина», элегии «Горсть земли на могилу благотворителя друзьям Державина». Так, в эпитафии «На тленность» целиком процитированы последние стихи Державина «Река времен в своем стремлении...».

В «Оде на смерть Державина» широко использованы парафразы стихов из известных произведений «Бог», «Водопад»:

Или подобно водопаду,
Что с гор высоких в дол стремит
Хрустальну быстрых вод громаду
И громом грома звук глушит,
В алмазах солнца луч играет

И радугу изображает
В поднявшейся от брызгов мгле [7, с. 350].

Здесь же в новой интерпретации – в образе замерзших струй водопада – оживают зимние зарисовки Державина. Сопоставим два текста:

Но вдруг зима, дохнувши мразом, Падуши леденит ручьи: Блестящи яхонтом, алмазом, Оцепенев, висят струи; По них сверкает луч игривый; И разноцветные отливы Еще ярче взор разят...	Идет седая чародейка, Косматым машет рукавом; И снег, и мраз, и иней сыплет, И воды претворяет в льды; От холодного ея дыханья Природы взор оцепенел...
(В.Капнист)	(Г.Державин)

Известно, что мастерские пейзажи Державина стали хорошей школой для последующих поколений поэтов, среди которых и А.С.Пушкин. Очевидно, что влияние его словесной живописи, цветовых решений, перспективы в пейзажах распространялось и на ближайших современников. В частности, любопытно в этом плане стихотворение В.Капниста «Другу моему», которое, как неоднократно отмечали исследователи, повлияло впоследствии на создание пушкинского шедевра «Зимнее утро»:

Взгляни, как снегом покровенны
Высоких гор верхи блестят;
Как сосны, инеем нагбенны,
И реки, льдом отягощенны,
В брегах, оцепенев, стоят.
Теперь-то, сидя у камина,
Мороз забыть ты нас заставь;
По старшинству их лет и чина
Вели подать венгерски вина,
А прочее богам оставь [7, с. 271].

Своеобразный диалог с державинским творчеством можно обнаружить в стихотворении В.Капниста «Обуховка», которое перекликается с державинским посланием «Евгению. Жизнь Званская». Общими оказываются мотивы жизненных итогов, философские раздумья авторов на фоне сельской природы, близкого сердцу уголка. Подробный анализ сходства и различия двух стихотворений провел

в свое время Д.Благой. Он подчеркнул просматривающееся в текстах характерное для рубежного периода образно-стилевое движение: «вещные», зримые, полнокровные картины дворянского быта у Державина сменяются лирическими переживаниями «углубленного в себя мечтателя» у Капниста [5, с. 31].

Постоянное пребывание писателя в центре культурной и литературной жизни, непрерывное общение с представителями творческой элиты обусловили тот факт, что В.Капнист запечатлел в поэтических произведениях наиболее значимые, с его точки зрения, события культуры. Так, в послании «Владиславу Александровичу Озерову», адресованном известному драматургу, автор откликнулся на постановку его трагедии «Эдип в Афинах» на петербургской сцене в 1804 году. В своеобразной поэтической рецензии В.Капнист говорит о главной заслуге драматурга и постановщика – умении передать накал страстей и разбудить чувства зрителей. Оценка спектакля, безусловно, произведена в системе координат сентименталистской эстетики, с акцентом на изображение движения души:

Ты дал почувствовать отрадным слез потоком,
Который из очей всех зрителей извлек,
Что к сердцу близок нам несчастный человек.
О! Как искусно ты умел страстей движенье
В изгибах душ открыть и взору показать... [7, с. 252].

Обратим внимание и на то, что автор именует В.Озерова – «чувствительный певец».

Не остались не упомянутыми в поэтической летописи событий культуры и собственные драматургические опыты В.Капниста. Хотя и сказано о них в своеобразной жанровой форме автоэпиграммы. Бесстрашно иронизируя, выставляя напоказ недостатки собственных сочинений, писатель сообщил тем не менее о своей трагедии «Гиневра» в автоэпиграммах «На посылку трагедии “Гиневра” А.Н.Оленину», «На посылку трагедии “Гиневра” А.Л.Нарышкину»:

Бессмертному Расину,
Как карлик исполину,
Я подражать хотел:
Он ябеды надел личину,
И я ее надел.
Потом широкими вратами

В храм славы с Федрой он вошел,
И я с Гиневрой подоспел [6, т. 1, с. 184].

Известно, что сюжет трагедии был навеян рыцарской поэмой Л.Ариосто «Неистовый Роланд». Однако сам текст трагедии В.Капниста не обнаружен, постановка ее так и не состоялась, сохранился только «Металог», в котором воспроизведен лишь один сюжетный эпизод трагедии [6, т. 1, с. 754].

Подобным же образом В.Капнист иронически представил свой перевод комедии Мольера «Сганарель, или мнимый Рогоносец», названной «Сганарев, или Мнимая неверность», постановка которой не имела успеха:

Никто не мог узнать из целого партера,
Кто в Сганареве смел так осрамить Мольера,
Но общий и согласный свист
Всем показал, что то Капнист [6, т. 1, с. 135].

Самокритика и самоирония звучат и в автоэпиграммах по поводу представления собственной трагедии «Антигона» на сцене Малого театра в Петербурге осенью 1814 года. Тираноборческая направленность пьесы явилась причиной незамедлительного запрещения, изъятия ее из репертуара, а также нападок на Капниста со стороны реакционно настроенной критики. Как полагает Д.С.Бабкин, автоэпиграммы «На представление трагедии Антигона», «На представление той же трагедии, в которой сочинитель слишком часто упоминает о привратных псах и вранах» были написаны автором в целях своеобразной защиты от обвинений по политическим мотивам [6, т. 1, с. 735-736].

Изыщество юмора и самоиронии поэта очень ярко проявилось и в известной автоэпиграмме на издание сборника «Сочинений» в 1796 г.: «Капниста я прочел и сердцем сокрушился: / Зачем читать учился».

Писатель понимал значение переводческого дела для развития культуры и просвещения читателя. Отдав львиную долю своего поэтического таланта работе над переводами, сформировав обширный корпус переложений текстов Горация, он всячески приветствовал и поощрял подобные литературные занятия своих современников. В частности, поддерживал Н.И.Гнедича в работе над переложением «Илиады». Когда перевод поэмы Гомера был осуществлен поэтом

Е.И.Костровым (1787 г.), он откликнулся на это событие и написал «Стихи на перевод «Илиады» г. Костровым».

В послании «Батюшкову» В.Капнист сокрушается по поводу того, что поэт прекратил работу над переводом поэмы Т.Тассо «Освобожденный Иерусалим», к которому перед тем обратился по его же совету:

Зачем великолепно Тасса
Решился вновь похоронить,
Когда средь русского Парнаса,
Его ты мог бы воскресить? [6, Т.1, с.248].

Бросая упреки приятелю и собрату по перу, В.Капнист подбирает замечательные поэтические образы и метафоры, способные, как он полагает, воодушевить Батюшкова. Здесь и «краски бесподобны» Тасса, и аллегорическая фигура знаменитого поэта, внимающего с вершин Парнаса, и образ «соррентских цветов», взращенных Батюшковым «в хладном севере на снеге».

В стихотворном послании другому литератору – «Ответ Федору Петровичу Львову» – Капнист поддерживает его стремление создавать легкую, «сердечную поэзию» и дает рекомендации коллеге по писательскому делу, полагая, что главным источником успеха является искренность поэта: «С чувством рифма дружно ляжет, / И сказать, что сердце скажет, / Не большой счастливцу труд!» Не случайно в своем послании В.Капнисту Львов, в свою очередь, именуется его «любимцем муз» и своим наставником.

Как неоднократно отмечали исследователи творчества В.Капниста, поэт всегда чутко улавливал новаторские тенденции в литературе [8; 9]. Он умел разглядеть и оценить по достоинству творчество тех писателей, которые еще не были известны и признаны, но за их талантом скрывалось большое будущее. Так, он отметил «превосходное стихотворческое дарование» Жуковского и в письме Державину 10 марта 1813 года, не зная еще, кому принадлежит стихотворение «Певец во стане русских воинов», сообщал, что радуется «появлению нового, честь нашей словесности делающего поэта» [6, т. 2, с. 610]. Позднее, уже непосредственно адресуя В.Жуковскому письмо из Обуховки 15 июня 1818 года, В.Капнист подчеркивал: «С великим удовольствием читал я баллады ваши и послания, с восхищением Певца в стане русских воинов. Я видел в оных живые

картины, чувствительные положения, высокие мысли, быстроту и плавность слога с пленительным подражанием духу и свойству коренного русского витийства; сердечно радовался, находя в вас достойного наследника лучших наших пиитов» [6, т. 2, с. 507-508].

Заслуживает внимания и такой аспект отражения культурной жизни и политики, который необходимо присутствовал в поэтическом творчестве XVIII – начала XIX в. – прославление меценатов. С одной стороны, здесь прослеживается дань риторической традиции. Но вместе с тем – налицо и искреннее желание увековечить имена людей, которые действительно способствовали развитию искусства, расцвету талантов и творчества. Небольшое стихотворение В.Капниста посвящено графу А.С.Строганову («Графу Александру Сергеевичу Строганову») – знатоку и покровителю искусства, дом которого был открыт практически для всех известных писателей и художников, позже он написал оду на его смерть. В свое время оду Строганову посвятил и Г.Р.Державин («Любителю художеств»), почитая его покровителем муз и тонким ценителем искусства.

В.Капнист был дружен со многими известными деятелями культуры начала XIX ст. Среди них – А.Н.Оленин – директор императорской Публичной библиотеки, президент Академии художеств. Ему поэт посвятил послание «Алексею Николаевичу Оленину», в котором полагает истинное счастье человека в труде для блага общего и просвещения современников. Именно таким путем, по мысли В.Капниста, реализуются достоинства и добродетели его адресата.

Как видим, поэтическое творчество В.Капниста, во многом отразившее основные тенденции переходного процесса от эстетики позднего классицизма к новым веяниям сентиментализма и предромантизма, явившее образ задумчивого мечтателя и сердечного человека, обогатившее русскую лирику «легким» слогом и строем,местило и любопытную коллекцию фактов культуры. Поэзия Капниста представляет своего рода метатекст, вобравший литературную жизнь в ее разнообразных аспектах, включая метаописания и филологические мини-исследования отдельных произведений и авторских стилей, рецензии на театральные постановки, творческий обмен идеями, широкое интертекстуальное поле. Обладая тонким эстетическим вкусом, автор оды «Ломоносов» и послания «Батюшкову» умело вовлекает читателя в атмосферу тогдашних творческих дис-

куссий, обнаруживая изнутри сам процесс движения и смены литературных форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабкин Д.С. В.В.Капнист. Критико-биографический очерк // *Капнист В.В. Собр. соч.: В 2 т. – Т.1. – М.-Л., 1960. – С. 12-65.*
2. Крутикова Н.Е. Н.В.Гоголь и Капнисты // *Крутикова Н.Е. Дослідження і статті різних років. – К., 2003. – С. 321-392.*
3. См., например, публикации: *Державин Г.Р. Письма В.Капнисту 1783 – 1816 гг. / Публ. Е.Н.Кононко // Русская литература. – 1972. – № 3; Громова Т.Н. Литературные взаимоотношения И.М.Муравьева-Апостола и В.В.Капниста // Русская литература. – 1974. – № 1; Львов Н.А. Письма В.В.Капнисту / Публ. Е.Н.Кононко // Письма русских писателей. – Л., 1980.*
4. Лапто-Данилевский К.Ю., Моисеева Г.Н. Капнист // *Словарь русских писателей XVIII века. – Т.2. – СПб., 1999. – С. 21-28.*
5. Благой Д. Василий Капнист. // *Капнист В. Сочинения. – М., 1959. – С. 3-35.*
6. *Капнист В.В. Собрание сочинений: В 2 т. – М.-Л., 1960.*
7. *Капнист В. Сочинения. – М., 1959.*
8. *Серман И.З. В.В. Капнист и русская поэзия начала XX века // XVIII век. – Сб. 4. – М.-Л., 1959.*
9. *Громова Т.Н. Литературные взаимоотношения И.М.Муравьева-Апостола и В.В.Капниста // Русская литература. – 1974. – № 1.*